

ПСИХОЛОГИЯ

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 159.9

Б.С. Алишев

Казанский государственный университет

E-mail: Bulat.Alishev@gmail.com

К вопросу о психологической сущности ценностей

В статье обосновывается понимание ценностей, позволяющее объединить социологическую, культурологическую и психологическую трактовку их сущности. Показано, что они возникают как необходимый параметр взаимодействия в системе «субъект — объект». Эта необходимость обусловлена тем, что неизбежная неопределенность, присутствующая во взаимодействии, вызывает необходимость ее преодоления, что, в свою очередь, порождает необходимость определения значений.

Ключевые слова: субъект, объект, взаимодействие, неопределенность, преодоление неопределенности, определение значений, функциональные модальности определения значений, ценности.

B.S. Alishev

To a Question on Psychological Essence of Values

In article the understanding of the values is proved, allowing to unit sociological, culturology and psychological treatment of their essence. It is shown, that they arise as necessary parameter of interaction in system “the subject — object”. This necessity is caused by that the inevitable uncertainty present in interaction, causes of her overcoming that, in turn, generates necessity of definition of values.

Key words: subject, object, interaction, uncertainty, overcoming of uncertainty, definition of values, functional modalities of definition of values, values.

Проблема ценности имеет давнюю историю разработки в разных науках. Тем не менее ясности в ней нет: существуют взаимоисключающие концепции, а ценностями называют все,

что угодно — от материальных объектов, до психических явлений и когнитивных конструкций сознания. Все это дало основание А. Маслоу много лет назад заявить: «... мы можем представить себе понятие “ценности” как большой сундук, где хранятся самые разнообразные, зачастую непонятные вещи, а само слово “ценность” оказывается тогда “просто биркой на сундуке”»¹. В современной науке ситуация ничуть не лучше: Сотни эмпирических исследований посвящены определению структуры разного рода ценностных предпочтений в тех или иных группах людей, но очень мало делается для того, чтобы разобраться в сущности самого феномена ценности.

В конкретных науках получили наибольшее распространение два подхода к пониманию их сущности: *позитивистский* (известный отечественный специалист в данной области Л.А. Микешина называет его диспозиционным)², в рамках которого ценности понимаются как объекты, имеющие значение, или как значение объектов для субъекта, и *трансцендентальный*, опирающийся на идею об абсолютном, априорном характере ценностей, их принадлежности к особому, не предметному миру. Даже такая краткая характеристика указывает на то, что во многих отношениях эти подходы являются взаимоисключающими.

Основы первого из них были заложены еще Т. Гоббсом и Дж. Локком, а позже он прижился в социологии (М. Вебер, Дж. Дьюи, Т. Парсонс и др.). Ставшее классическим в его рамках определение ценности как «любого предмета, обладающего эмпирическим содержанием, доступным членам социальной группы, а также значением, вследствие которого он является или может быть объектом действия», было дано У. Томасом и Ф. Знанецким еще в 1918 г.³ В экономических науках такое понимание получило дальнейшее развитие и ортодоксальное воплощение. В частности, еще в первой четверти XX в. Ф.Х. Найт использовал понятие «шкала ценности» и

отождествил ее с системой «количественных соотношений эквивалентности для товаров»⁴, а его более известный современник Дж.М. Кейнс писал, что сумму ценностей можно выразить в деньгах⁵. Как можно видеть, здесь ценность фактически полностью отождествляется со стоимостью, и, следовательно, она сравнительно легко поддается измерению.

Сторонниками второго подхода, восходящего к идеям И. Канта, были и являются многие крупные специалисты в области культурологии и этики, например, Н.А. Бердяев, В. Виндельбанд, Б. Кроче, Г. Риккерт, А.Н. Уайтхед и др. Показательным в данном случае является высказывание Г. Риккерта: «Сами ценности <...> не относятся ни к области объектов, ни к области субъектов. Они образуют совершенно самостоятельное царство, лежащее по ту сторону субъекта и объекта»⁶. Практически то же самое можно видеть у Н. Гартмана, утверждавшего, что ценность независима и от своего материального носителя, и от более или менее адекватно сознающего ее субъекта⁷. В таком понимании ценности превращаются в некие «вещи в себе», недоступные обычному познанию.

Обе трактовки, безусловно, имеют право на существование. Каждая из них выдвигает на передний план разные аспекты проблемы и демонстрирует ее сложность и неоднозначность. Но наличие сильно отличающихся друг от друга ответов на вопрос о сущности ценности порождает сомнение: идет ли речь об одном и том же феномене? Возникает впечатление, что в термин «ценность» вкладываются разные смыслы. Они настолько отличаются друг от друга, что правильнее было бы говорить о существовании разных явлений, обозначаемых одним словом. Сравним два коротких высказывания: «свобода — ценность» и «ценность свободы». Используется ли слово «ценность» в них в одном и том же смысле или хотя бы в близких? Безусловно,

некая смысловая общность имеется, однако, велики и различия. Первое высказывание включает свободу в число ценностей, в перечень того, что может иметь значение. Второе поднимает вопрос о мере объективного и субъективного значения свободы. В первом случае под ценностью подразумевается некий феномен бытия человека, во втором — подлежащая количественному измерению характеристика этого феномена. В первом смысле правомерно использование словосочетаний «общечеловеческие ценности», «гуманитарные ценности» и т. д., а во втором смысле ценность часто сводится к полезности.

С нашей точки зрения, такие различия в трактовке вытекают из сложившихся в языке смыслов данного слова. Разные языки дают богатую пищу для размышлений в этом направлении. В словаре С.И. Ожегова указывается три основных смысла понятия: «стоимость», «значение», собственно «ценность»⁸. Немецкое «Wert» может быть переведено на русский язык как «ценность», «значение», «стоимость» и «цена», а в качестве прилагательного («wert») оно означает «дорогой», «имеющий значение» и т.п.⁹ В английском языке слово «value» имеет еще один смысл — «оценка»¹⁰, а французское «valuer» означает примерно то же самое. К сожалению, нам трудно судить так ли обстоят дела в других языках или нет¹¹.

Попробуем выяснить, опираясь на русский язык, какой из указанных смыслов является первичным. Нельзя не обратить внимания на то, что в этом языке много слов, образованных при помощи суффикса «ость-есть». Почти все они обозначают качества и свойства объектов, явлений, процессов, ситуаций, самого человека (далее мы будем называть все это «объектами», чтобы не делать постоянных перечислений): безлюдность, зернистость, плотность, сухость, длительность, скорость, опасность, стройность, возможность, трудность, гордость, жадность, впечатлительность и т. д. Кроме того, есть ряд слов

такого же звучания, которые не являются обозначениями свойств (гость, кость, жость, известь, лость, почость и др.), но очевидно, что они «построены» иначе: в них нет суффикса «ость-есть», а есть корень, включающий эти буквы. Есть также исключения, например: «живность», «жимолость», «местность», «оконечность» — явно не свойства, а ряд слов такого типа (благодарность, вечность, жидкость, конечность, крепость, полость, шалость, юность и т. д.) могут использоваться и как обозначения свойств, и как обозначения их носителей. К числу таких слов относится и «ценность»¹².

Есть все основания считать, что при возникновении данной языковой формы первоначальным смыслом всех подобных слов была фиксация свойства, и только позднее они приобрели дополнительные смыслы или изменили его. Слово «ценность» таким образом исходно является обозначением свойства. Но, что такое свойство? Это — нечто, не имеющее собственного существования. Свойство — это атрибут, приписываемый субъектом объекту благодаря наличию у последнего неких качеств, делающих возможным удовлетворение какой-либо потребности первого. Субъект фиксирует те или иные особенности различных объектов в своем взаимодействии с ними, с другими субъектами или в их взаимодействии между собой, следовательно, свойства являются выражением различных связей между объектами или между ними и субъектом. Сколько может возникнуть различных связей, столько же обнаруживается и свойств.

Нельзя, однако, не заметить, что «ценность» является очень неконкретным свойством. В отличие от других аналогичных слов оно ничего не говорит о том, каково конкретное содержание связи, ничего не сообщает об особенностях того или иного объекта. По сути, это — вторичное свойство, или «свойство свойств». Если другие свойства расположены «между» субъектом и объектом, то данное более «приближено» к субъекту

и «отдалено» от объектов. Нет сомнения в том, что оно фиксирует значение того или иного свойства для субъекта. Так можно придти к выводу о том, что исходным смыслом слова «ценность» является «значение». Заметим, однако, что слово «значение» тоже имеет несколько смыслов, и в фразах: «данное слово используется в таком-то значении» и «это событие имеет большое значение для меня», — оно, безусловно, оказывается разным. На это различие мы сразу же обращаем внимание, потому что в дальнейшем оно окажется важным для того понимания сущности ценности, которое мы собираемся развивать.

Далее необходимо обратить внимание на то, что различные свойства распределены неравномерно между объектами и субъектами. Это приводит к многочисленным «пересечениям» значений (ценностей) и вызывает необходимость обмена ими. Это, в конце концов, и привело когда-то к возникновению товарного обмена. Но при всяком обмене становится актуальной проблема соотношения значений. Ее можно решить только путем их нормирования, т. е. путем создания «шкалы ценности» и нахождения универсального критерия, позволяющего сравнивать разные значения. Так слово «ценность» приобретает новый смысл — «стоимость». Очевидно, что стоимость — количественный параметр, выражающий меру значения.

Безусловно, это — более узкий смысл, так как не для всего, что имеет значение, может быть выяснена стоимость. Причин-ограничителей, как минимум, две: первая заключается в том, что шкала стоимости, тем более в той ее форме, которая представлена феноменом денег, не может быть использована везде и всюду¹³. Если ее используют при купле-продаже произведений искусства, то при этом измеряется не их красота, а иные свойства. Если она применяется в сфере сексуальных отношений, то ею измеряют не любовь. Вторая причина состоит в том, что даже в экономике наряду с понятием стоимости есть

понятие потребительской стоимости. Суть его в том, что разные люди готовы заплатить разную цену за один и тот же объект (товар): кто-то испытывает в нем большую нужду, а кто-то меньшую. Бешеные суммы, выплачиваемые за произведения живописи, предметы антиквариата и т. д. на аукционах «Сотби», — яркий пример. Но и в жизни человека, далекого от подобного рода аукционов, бывают ситуации, когда он готов отдать все или почти все, что у него есть, ради чего-то, имеющего куда меньшую стоимость для других или для него же самого, но при других обстоятельствах («полцарства за коня»).

Таким образом, остается большой по объему класс значений, которые не могут быть трансформированы в стоимости. Так слово «ценность» получает третий смысл и становится обозначением особых значений, не поддающихся точному измерению в единицах стоимости. Они носят обобщенный характер, настолько обобщенный, что становятся больше, чем просто значениями. Слово «ценность» перестает быть только обозначением свойства. Так же, как когда-то другие аналогичные слова, (допустим «жидкость»), оно становится, по существу, фиксацией особых объектов, а не их значений: именно в таком смысле оно используется в популярных словосочетаниях «общечеловеческие ценности», «гуманитарные ценности», «ценности культуры», «жизненные ценности личности» и т. д.

Действительно ли все происходило в истории слова «ценность» так, как здесь описано, или нет, нам неизвестно. Не интересовались мы также тем, когда оно появилось в русском языке, и когда в нем возникла форма с суффиксом «ость-есть». Возможно, это — относительно поздняя форма. Но в данном случае представляет больший интерес не история слова и грамматической формы, а логика развития и трансформации их смыслов, которая, видимо, была именно такой.

Какую же проблему должна решать теория ценности? Должна ли она рассматривать данное понятие в трех его смыслах, в

некоторых из них или только в одном? Очевидно, что разные ученые обращают преимущественное внимание на какой-то один из смыслов рассматриваемого понятия и оставляют без внимания другие. В частности, для явных и неявных сторонников позитивистского подхода к проблеме характерна опора на первый из словарных смыслов понятия «ценность», а в наиболее ортодоксальных случаях — на второй. Для сторонников трансцендентализма и различных нарративных методологий типична ориентация на его третий словарный смысл. Таким образом, наличие разных смыслов понятия в самом языке становится причиной существования противоречащих друг другу подходов к построению теории ценности в философии и в конкретных науках. Отсюда возникает вопрос: можно ли предложить какую-то концепцию, которая была бы в состоянии, если не объединить существующие подходы, то хотя бы обозначить точки соприкосновения между ними? В этой статье мы рассмотрим три взаимосвязанные проблемы, анализ которых важен для построения такой концепции: проблему функциональности взаимодействий в системе «субъект — объект», проблему связи этой функциональности с ценностями и проблему «места» ценностей в структуре психики и сознания. Поскольку первая из них является ключевой, именно ей будет уделено наибольшее внимание. Вся сложность ее анализа заключается в том, что взаимодействие — «всего лишь» процесс, за который трудно «ухватиться». Его участниками являются имеющие реальное бытие и длительность существования субъекты и объекты, а взаимодействие между ними неуловимо, оно непрерывно «исчезает» во времени. Взаимодействие исчезает, а взгляд человека останавливается либо на объектах, либо на самом себе, своих образах, чувствах и идеях. Не случайно В.А. Петровский заметил, что из теоретических исследований деятельности в психологии исчезает сама деятельность¹⁴. Так и ценности: они почти инстинктивно «помещаются» человеком либо

во внешний мир, либо в свой внутренний и приобретают два совершенно разных облика. Отнесенные к внешнему миру, они кажутся столь же изменчивыми и относительными, отнесенные к внутреннему — начинают казаться абсолютными и вечными. Между тем, с нашей точки зрения, ценности не локализованы в мире объектов (тем более они не образуют отдельного, «третьего» мира), но они не сосредоточены и в каком-то изолированном от них, ментальном мире субъекта. Ценности «находятся» именно в связях между субъектом и объектом, в их взаимодействии.

В процессе последующего обоснования своей позиции мы будем подразумевать под субъектом абстрактное живое существо (на факт наличия или отсутствия у него сознания внимание будет обращаться по мере необходимости), а под объектом все остальное. Бесспорно, что в любой ситуации взаимодействия с различными объектами для субъекта всегда обнаруживается та или иная мера неопределенности ее текущего смысла и ее вероятного исхода. Поскольку длительное сохранение неопределенности исключает саму возможность существования субъекта, он в каждой ситуации должен стремиться к ее преодолению и достижению определенности. Поскольку же максимально возможная определенность — то же самое, что абсолютная истина, а последней, как известно, не существует, субъект вынужден удовлетворяться достижением приемлемого для себя уровня определенности¹⁵. Следует оговориться, что не всякая определенность устраивает субъекта, так как она может носить и негативный для него характер. Поэтому в ряде случаев он может предпочитать сохранение приемлемого для себя уровня неопределенности. До сих пор актуальны слова М. Шелера: «Основное заблуждение, из которого возникает “классическая” теория человека, глубоко принципиально и связано с образом мира в целом: оно состоит в предположении, что этот мир, в котором мы живем, изначально и постоянно упорядочен»¹⁶. Поэтому проблема неопределенности и ее преодоления во

взаимодействии между субъектом и объектом, с нашей точки зрения, должна учитываться при разработке любых психологических теорий макроуровня¹⁷.

Преодоление неопределенности обеспечивается, в принципе, самим течением времени, но только благодаря тому, что во всех взаимодействиях субъект, получая разнообразную информацию, определяет ее *значение*. Вместе с тем любой объект и любая ситуация взаимодействия многозначны, а единственно верного критерия для определения значений часто просто не существует, поэтому всякое определение значения носит более или менее приблизительный характер и становится, в сущности, *интерпретацией*. Кроме того, очевидно, что всякое значение может быть только конкретным, не существует абстрактного вообще-значения. Это логически вытекает из того обстоятельства, что нет универсальной потребности субъекта и нет универсального объекта, способного удовлетворить любую актуализировавшуюся потребность, следовательно, значения всегда обладают тем или иным *содержанием*. Сам же вопрос о содержании значения — это вопрос о *функциональности* объектов и взаимодействия с ними. Всякое взаимодействие субъекта с объектами является функциональным, и все окружающее он рассматривает с точки зрения его функциональности для себя. Поэтому под *функцией* мы имеем в виду в данном случае *конкретное содержание связи между субъектом и объектом* в процессе их взаимодействия. Функциональность нельзя свести к полезности в узком смысле, так как последняя является всего лишь одной из возможных функций.

Указанная конкретность значений является, впрочем, относительной, и понятие функции не только фиксирует содержание взаимодействия между субъектом и объектом в частном случае. Оно определяет его в общем виде, т. е. типизирует различные взаимодействия, указывая на наличие

принципиально общего во многих из них, несмотря на все внешние различия. Всякая функция является именно *обобщением*. В том, что это так, убеждают сами особенности строения психики. В ее структуре важнейшее положение занимают различные механизмы, обеспечивающие обобщение, поскольку только таким образом субъект в состоянии вычленять среди огромного многообразия окружающего мира то, что действительно важно для него. Как известно, способность к обобщению является одним из основных свойств мышления. Л.С. Выготский в связи с этим писал: «...каждое слово представляет собой скрытое обобщение, всякое слово уже обобщает, и с психологической точки зрения значение слова представляет собой обобщение»¹⁸. Далее он делает вывод: «В силу этого мы можем заключить, что значение слова <...> его обобщение представляет собой акт мышления в собственном смысле слова»¹⁹. Трудно выразиться более ясно. В другой работе он отмечает: «...значение, которое приобретает <...> предмет, в сущности, вторичное, производное, возникающее из первичного значения жеста»²⁰. По сути дела, он говорит о жесте как о действии, а действие — не что иное, как реализация функциональной связи между субъектом и окружающей действительностью. Получается, что имеет значение именно функция, реализуемая в действии, и лишь потом оно (значение) переносится на предмет, а мышление связывает предмет с функцией.

Однако не только мышление, но и другие психические процессы, в первую очередь, эмоции обеспечивают обобщение. Более того, они являются древнейшим механизмом обобщения, и для определенных типов ситуаций справляются с этой задачей значительно лучше и быстрее мышления. Чтобы убедиться, достаточно обратить внимание на наличие совсем небольшого количества основных эмоций (радость, страдание, страх, гнев, интерес, стыд, отвращение и некоторые другие),

каждая из которых «приложима» к бесчисленному количеству различных объектов и ситуаций. Сотни и тысячи совершенно непохожих друг на друга причин могут вызвать радость, и столько же найдется причин для страха, гнева, удивления. Можно только поражаться тому, как психика без всякого вмешательства сознания (хотя и совершая порой ошибки) в считанные доли секунды «находит» в совершенно разных объектах и ситуациях нечто существенно общее и сообщает об этом через эмоцию. Она позволяет подвести объект, ситуацию к некоему классу однотипных по содержанию значений. Психика сигнализирует о функциональности взаимодействия. Такую трактовку сущности эмоций предлагал когда-то Ж.-П. Сартр, который писал: «Эмоцию можно понять, только если искать в ней значение. По своей природе это значение функционального порядка. Следовательно, мы приходим к тому, чтобы говорить о финальности эмоции»²¹.

Непосредственное участие принимают в психологических механизмах обобщения также восприятие и память. Вряд ли, например, индивидуальная память возникла и стала развиваться у человека для того, чтобы он мог время от времени с умилением или с тоской вспоминать свое прошлое: вовсе нет. Она появилась как психический механизм, обеспечивающий сличение данных текущего восприятия с различными прецедентами и образцами, позволяющий «помещать» непосредственно наблюдаемый объект, явление, ситуацию в некий обобщенный класс значений. Таким образом, психика в целом (включая сознание) может быть представлена как инструмент обобщения и преодоления неопределенности. Одна из ее важнейших задач состоит в том, чтобы создавать упорядоченный образ реальности. Она должна в каждой ситуации выявлять самое существенное для данного момента времени и для целостной жизни. В то же время механизмы обобщения нельзя отрывать от механизмов различения,

поскольку обобщать можно только одновременно отделяя одну сущность от всех остальных.

Итак, существует большое количество объектов, имеющих одну и ту же функциональность, что и позволяет делать обобщения. Верно, однако, и обратное: каждый объект может «обладать»²² множеством функций (один и тот же камень может пригодиться для постройки стены, для того, чтобы подложить его под колесо автомобиля или бросить его в воду и любоваться расходящимися кругами и т. д.). Отсюда следуют два важных вывода: во-первых, перед субъектом в целом существует матрица функций и объектов, а во-вторых, многие объекты оказываются для него взаимозаменяемыми. Субъект не смог бы просуществовать без различных объектов и секунды, но, в сущности, они ему абсолютно не нужны. Ему нужно, чтобы реализовывались функции, а какие именно объекты будут это обеспечивать, не так уж и важно.

В сравнительно редких случаях для субъекта имеет значение именно данный объект. Для человека чаще всего такими объектами оказываются некоторые люди, иные живые существа, определенные системы идей, предметы, связанные с дорогими людьми и служащие напоминанием о них, неповторимые предметы (существующие в одном экземпляре) и др. Все это – уникалии, не имеющие аналогов. Но в последних двух случаях возможны замены: памятную вещь так же, как любую другую, нетрудно заменить аналогичной, и человек даже не догадается о подмене, а неповторимые предметы, например, произведения живописи и различные иные раритеты подделываются так, что подделка десятилетиями принимается за оригинал. Самое любопытное, однако, в том, что копия сразу перестает привлекать своего обладателя, как только он узнает, что она — копия; он теряет к ней интерес, хотя в течение долгого времени, пока считал ее оригиналом, она вызывала в нем массу всевозможных чувств. Почему: ведь объект не

изменился в своей форме и структуре он остался точно таким же, каким и был? Изменилось лишь знание субъекта о некоторых его качествах.

В связи с этим обратим внимание на следующее: с тех пор как человечество вступило в эпоху массового производства, имеет место многократное тиражирование объектов, имеющих совершенно одинаковую структуру и функцию. В миллионах экземплярах производятся совершенно одинаковые или чрезвычайно мало отличающиеся друг от друга ложки, сигареты, туфли, гвозди, электрические лампочки, экземпляры одной и той же книги и т. д. Даже художественные произведения, отличаясь друг от друга жанром, сюжетом, композицией, стилем и прочими структурными параметрами, могут в функциональном отношении вовсе не быть уникалиями: например, в разных национальных культурах, а нередко и в рамках одной существуют произведения искусства, в которых выражаются одни и те же идеи и которые вызывают одни и те же чувства, но структурно они разные. За всю историю человечества написаны, например (если забыть о нюансах сюжета, названиях произведений, именах персонажей, композиции, мере таланта авторов и обращать внимание только на суть), не одна «Ромео и Джульетта», не один «Гобсек» и не один «Фауст»²³.

Для единичного субъекта и структурных, и функциональных уникалий больше: во-первых, он вступает во взаимодействие лишь с той частью природы и культуры, которая ему доступна в пространстве и во времени, а это ограничивает вероятность контактов с тождественными объектами; во-вторых, для него признаками той или иной функциональности обладает меньшее количество объектов, чем для всей общности. Например, в русской музыкальной культуре существует целый ряд близких по содержанию и мелодическим интонациям романсов, каждый из которых (объективно) ничем

не хуже других, но у конкретного субъекта часто какой-то один вызывает массу переживаний, а остальные он «не слышит». Только в одном реализуется функция, состоящая в пробуждении определенных чувств, а для другого субъекта ту же функцию может выполнить другой романс. Здесь происходит «замыкание» функции на объекте.

Наиболее яркие примеры подобного «замыкания» демонстрирует феномен любви: в нем функция «находит» конкретный объект (другого человека), а прочие объекты, среди которых есть ничем не худшие, перестают, хотя бы на время, существовать. В некоторых случаях замыкание оказывается настолько сильным, что возникает явление, называемое страстью. Это можно наблюдать не только в любви, но и в феномене «боления» в спорте, в коллекционировании и т. д. Что на самом деле важно для коллекционера: сами объекты, которые он собирает, или обладание ими? По всей видимости, чаще суть заключена все-таки в обладании, а оно представляет собой такую форму связи между субъектом и определенными объектами, при которой гарантируется сохранение постоянного взаимодействия между ними. Обладать — то же самое, что обеспечить себе необходимую определенность и уверенность в будущем, избавиться от тревоги и страха «самопроизвольного» исчезновения или отсутствия нужных объектов (поэтому холодильник выполняет важнейшую психотерапевтическую функцию).

Стремление к обладанию в той или иной мере характерно для любого человека (впрочем, как и для других живых существ, у которых оно проявляется в иных формах): можно сказать, что оно обусловлено самим отличием субъекта от объектов. В свою очередь, на нем, на самой природой обусловленном стремлении зиждется вся экономическая жизнь современного человечества (феномен собственности)²⁴. И все-таки, несмотря на все значение, которое может иметь для

конкретного субъекта обладание теми или иными объектами, оно обусловлено отнюдь не потребностью в них самих, а потребностью в том, чтобы постоянно существовала и воспроизводилась та или иная функциональная связь.

Эти очень кратко изложенные соображения позволяют утверждать, что для субъекта на самом деле важны не объекты, а реализация функций. Лишь субъективно он привязывает функцию к тем или иным объектам и тем самым начинает привязываться к ним сам. Итак, значения определяются субъектом в зависимости от функциональности различных объектов, а она может быть разной. Следовательно, мы можем сказать, что *значение — это интерпретация субъектом содержания и меры связи между собой и объектом (комплексом объектов) в конкретном месте и времени.* Отличающиеся друг от друга по содержанию типы функциональности можно назвать *функциональными модальностями определения значений.* Таких модальностей много, но среди них имеются сравнительно частные и фундаментальные, финальные. В той мере, в которой конечные функции взаимодействия связаны с биологическими потребностями, субъект «обладает» врожденным знанием о них. В той мере, в которой увязки с биологическими потребностями нет, такое знание формируется в процессе социокультурного становления личности (так формируются представления о справедливости, добре, успехе и др.).

Обратимся теперь к вопросу о мере значения: во-первых, субъект не просто определяет значения в рамках функциональных модальностей: он определяет для себя их приоритетность. Он вынужден это делать, так как конкретные ситуации взаимодействия чаще всего разноплановы: определять значения в них можно и нужно сразу в нескольких модальностях. Определение приоритетности той или иной из них есть решение задачи: что важнее в данной ситуации. Во-

вторых, в применении к объектам, обладающим одной и той же функциональностью, задача принимает иной вид. В этом случае множество объектов оцениваются в некоем континууме на предмет величины или меры их конкретной функциональности: например, человек, выбирающий в магазине табуретку, находит экземпляр, который кажется ему более (мера) прочным (функция); человек в столовой берет из множества блюд некоторые, потому что они более (мера) нравятся ему по вкусу, или потому что они дешевле (функции). В реальных ситуациях решаются одновременно обе указанные задачи, т. е. человек одновременно определяет, каковы по содержанию возможные значения, и каковы их меры.

Определение *меры значения* (или *меры функциональности*) объекта, действия, ситуации требует наличия у субъекта измерительных шкал: иначе задача в принципе не решаема. Таких шкал у него должно быть столько же, сколько существует функциональных модальностей определения значений. Если же учесть, что значения объектов определяются чаще всего сразу по нескольким модальностям и то, что объекты объединяются в сложные ситуации, образуя нечто целостное, то проблема измерения величины значения оказывается весьма непростой.

Трудно сказать, чем занимается человек столь же часто, как количественным сравнением и оценкой. Естественно, он делает это приблизительно: в нем нет встроенных линеек, часов и тем более инструментов для измерения того, насколько ему нравится или не нравится что-то, насколько он верит или не верит чему-то, насколько он считает нечто полезным или вредным. О существовании субъективных измерительных шкал говорится немало, в частности, именно эта идея была одной из основных у Дж. Келли при разработке им теории «личностных конструктов». Однако изучаются они в основном при исследовании сенсорных и перцептивных процессов: особенностей восприятия времени, пространства, форм и

размеров объектов, а это лишь одна из областей взаимодействий человека с действительностью. Кроме того, есть существенная разница между измерением физических параметров внешней среды: например, размера объектов (на взгляд) или их температуры (на ощупь) и измерением значения этих объектов, своего отношения к ним. И в том и в другом случае измерение субъективно, но во втором его можно считать субъективным «в квадрате», так как измеряется что-то находящееся не вне субъекта, а фактически в нем самом. Если в первом случае субъект, как правило, стремится к максимальной точности и объективности, то во втором он даже не задумывается над этим.

По всей видимости, существуют принципиально единые для всех людей и в этом смысле объективные механизмы шкалирования. В статистике выделяются шкалы наименований, порядковые, интервальные и шкалы отношений: все они не математические абстракции, а формализация реальных процедур и операций сопоставления и сравнения, непрерывно выполняемых, скорее всего, даже не мышлением, а психикой в целом. Огромное количество измерений и сравнений производится человеком интуитивно и даже непроизвольно. Невозможно возложить всю ответственность за это только на мышление, даже если речь идет всего лишь о ранжировании. Ранжирование — более сложная процедура, чем вычисление коэффициента ранговой корреляции, так как при вычислении не нужно совершать выбор.

Очевидно, что существует множество функциональных модальностей определения значений, в которых человек может использовать только порядковые шкалы. Нельзя, например, с точностью определить во сколько раз (или хотя бы на какое число единиц измерения) один объект красивее, вкуснее, добрее другого; вместе с тем имеются функциональные модальности, допускающие более точные измерения в шкалах

отношений. Имеются в виду не физические измерения расстояний, времени, температуры, а совсем другие: например, покупая в магазине цветы, человек может разглядывать букеты, определяя, какой из них ему нравится больше, какой еще больше и т. д. Так он создаст себе порядковую шкалу, на «вершине» которой будет находиться самый привлекательный объект. С другой стороны, он может прибегнуть к помощи шкалы отношений, если будет обращать внимание только на цену букетов и ни на что больше. В реальности цена превращается в одну из функциональных модальностей определения значения, которая учитывается при принятии окончательного решения.

Несмотря на указанные различия в возможностях разных шкал, между ними есть принципиальное единство. Везде и всегда субъекту приходится определять соотношения типа «больше — меньше» («лучше — хуже»). И порядковая шкала, и шкала отношений позволяют делать именно это, но по-разному. В экономической модальности измерения значений оказалось возможным использовать шкалу отношений, и она получила детализированную «математическую» разработку. Деньги стали универсальным измерительным инструментом (своеобразной линейкой), позволяющим сопоставлять специфический аспект значения многих и многих объектов. С течением времени он стал переноситься на другие функциональные модальности определения значений. К этому можно относиться по-разному: можно по примеру А. Прудона утверждать, что «деньги — это зло», а «собственность — воровство», но можно и молиться на них. Однако нельзя забывать, что само единство основания любых измерений во всех функциональных модальностях (в том или ином виде всегда определяется указанное соотношение «больше — меньше») создает возможность такого переноса.

Теперь мы можем вернуться к вопросу о соотношении значений и ценностей. Следует ли из всего сказанного выше,

что значение и есть ценность, как утверждают сторонники позитивизма? Вряд ли. Значение — оно, наверное, и есть значение, а объект есть объект. Нет никакой необходимости называть их другим словом. Ценности нельзя свести к значениям, но здравый смысл подсказывает, что их невозможно оторвать от процесса их определения. Если так, то у нас остается возможность «увязать» ценности либо с содержанием значений, либо с их мерой. Нетрудно увидеть, что именно так и поступают сторонники двух основных подходов к проблеме: трансцендентального и позитивистского.

Действительно, если понимать ценности как содержания значений (или как функциональные модальности определения значений, что в нашей терминологии — одно и то же), причем ограничиваться содержаниями высокого уровня обобщенности (добро, справедливость, красота, власть и т. д.), они начинают казаться озаренными «небесным светом», вечными абсолютами. Однако если ценности и абсолютны, то только в том смысле, что существуют очень длительное время, несопоставимое со сроком жизни многих сменяющих друг друга поколений (отсюда наличие «вечных» проблем и «вечных» тем). На самом же деле они — реальность естественного бытия человека, его непрекращающегося ни на секунду взаимодействия с окружающей действительностью. Поэтому нельзя согласиться и с приводившимися ранее утверждениями о том, что они не допускают никаких измерений в «ценовых» единицах: любое измерение, даже обычное определение приоритетности, в каком-то смысле — «цена»: оно позволяет сравнивать, сопоставлять, определять большее и меньшее.

Если понимать ценности как меру значения, то возникает вполне понятная возможность «выведения» их в объективную действительность, за пределы субъекта. Тогда объекты начинают определяться как ценности, а далее вся проблема

переводится в плоскость количественных сравнений отдельных объектов друг с другом. Следующим логическим шагом при такой стратегии мышления должно стать отождествление ценности со стоимостью. Это и произошло некогда в экономических науках, а поскольку экономическая сфера жизни, действительно, — одна из важнейших, такое ее понимание превратилось в парадигму для социологии и социологизированной философии, а затем проникло и в другие науки.

Что же такое ценность, если она не может быть сведена к значению? Думается, она представляет собой единство содержания и меры, но только такой меры, которая характеризует упорядоченность различных содержаний. Например, некто может сказать, что добро важнее истины и свободы, а семья — работы и дружбы, но никогда не сможет ответить — на сколько. Другой будет считать, что работа важнее семьи, но тоже окажется не в состоянии определить, на какое число измерительных единиц: таких единиц попросту не существует.

В рамках одного и того же содержания, одной функциональной модальности будет правильнее говорить о наличии не ценностей, а стоимостей. Здесь мы используем экономический термин в применении ко всем функциональным модальностям, так как для них нет соответствующих понятий. В сущности, когда человек начинает выяснять для себя, какой именно из нескольких объектов, субъектов, действий красивее, истиннее, полезнее для здоровья, выше по статусу, приятнее, рациональнее и т. д., он определяет не ценности и даже не стоимости, как таковые, а потребительские стоимости. А вот, когда перед ним встает вопрос, что важнее в данной ситуации: истина или добро, личная выгода или самопожертвование, дружба или дело — тогда речь идет о ценностях.

Функциональные модальности определения значений — содержание связи между субъектом и объектом в их взаимодействии. Они объективны, так как существуют независимо от знания (или незнания), желания (или нежелания) и воли субъекта. Наиболее фундаментальные из них обозначаются в языке отдельными понятиями: «польза», «истина», «красота», «мощь (сила)», «справедливость», «добро», «свобода» и др. Они субъективны по той причине, что разные функциональные модальности определения значений каждым субъектом воспринимаются как реальность его собственного существования, и их содержание специфически интерпретируется им. В частности, у людей существуют разные представления (так называемые «наивные» концепции) о добре, красоте, пользе, т. е. сущность каждой ценности понимается ими не одинаково. Следовательно, то, что было названо нами функцией, содержанием связи в системе «субъект — объект», превращается в ценностную форму, которая сама может наполняться разным смыслом. В итоге, в структуре ценностей двух субъектов (культур, групп, личностей) одна и та же ценность может иметь одинаковую приоритетность, но пониматься ими неодинаково (двое будут считать, что важнее всего на свете справедливость, но окажутся не в состоянии найти общий язык).

Смыслы, вкладываемые в одну и ту же ценностную форму (так же, как и ценностные приоритеты) вряд ли поддаются рациональному обоснованию. В качестве примера можно привести категорию свободы: известно, что уже в течение долгого времени существуют несколько философских ее трактовок (марксистская, анархистская, экзистенциальная и др.), но истинность ни одной из них не может считаться доказанной. Подавляющее большинство людей не предается философским размышлениям, но это не мешает им тоже иметь собственные, хотя и очень расплывчатые представления о

смысле тех или иных ценностных категорий, в том числе свободы.

Исходя из сказанного, мы понимаем под *ценностями* *представленные в психике и сознании субъекта функциональные связи между ним и объективным миром, которые характеризуются специфическим содержанием, субъективной интерпретацией этого содержания и той или иной мерой приоритетности*. Что касается функции ценностей в самой психике, то из сказанного нами ранее вытекает, что они являются конечными основаниями при определении значений объектов, событий, ситуаций и т. д. Такое понимание сущности ценностей позволяет объединить существующие трактовки. В этом случае содержание связи (функциональная модальность определения значений) оказывается близким к тому, что под ценностью понимают трансценденталисты; мера ее приоритетности оказывается близкой к тому, что подразумевают сторонники позитивистского подхода.

Последний вопрос, на котором мы собирались остановиться в статье, — вопрос о месте ценностей в структуре психики и сознания. Для того, чтобы на него ответить, нужно выяснить, откуда «берутся» функциональные модальности определения значений. Очевидно, что в животном мире значения определяются на основе потребностей: в частности, по мнению К.Лоренца, между потребностью, содержанием получаемой информации и реализуемой последовательностью действий есть жесткая связь, которую он обозначает понятием «врожденный механизм запуска»²⁵. Все потребности актуализируются время от времени в определенных условиях, благодаря чему возникают их ситуационные иерархии, позволяющие решать задачу. Связанные с различными инстинктами потребности и есть функциональные модальности определения значений в живой природе.

Человек определяет значения, тоже опираясь на свои биологически обусловленные потребности, но не только на них: «список» функциональных модальностей определения значений у него становится гораздо шире. Поэтому ценности — это то, что в процессе эволюции человека «надстраивается» над потребностями, включает их в свой состав и начинает определять их приоритетность. Возникновение феномена ценности является результатом не только биологической, но и социокультурной эволюции: не случайно во многих аксиологических теориях они рассматриваются как ядро, стержень культуры (это типично, например, для взглядов М. Вебера, В. Дильтея, Э. Шпрангера, Т. Парсонса и практически всех трансценденталистов). Но, очевидно, что и в культуре ценности не могли бы появиться и сформироваться, если бы они не были реальностью каждодневного, непрерывного взаимодействия людей с окружающим миром и не были бы одинаковыми для многих людей, поэтому их следует рассматривать одновременно и как социокультурный, и как психологический феномен: как реальность и коллективного, и индивидуального бытия.

Если же говорить о них лишь в психологическом аспекте, то ценности имеют «выход» в каждую из трех составляющих психики: когнитивную, аффективную и конативную. Вряд ли их, вообще, следует рассматривать как элемент психики, имеющий четкую локализацию в традиционных моделях ее структуры. Они проявляют себя в мышлении, чувствах, мотивах, отношениях, поведении, т. е. во всех без исключения формах и проявлениях психической жизни. В конечном счете, они образуют основу целостной модели взаимодействия с окружающей природной и социальной действительностью, которую принимает личность, и которой она придерживается. Таким образом, они тесно связаны со всеми формами психики, обеспечивающими активность и избирательность субъекта во

взаимодействии с внешним Миром, но только потому, что одинаково проявляются во всех них.

Играя такую важную роль в психике субъекта, ценности вместе с потребностями (а также мотивами, смыслами, целями и т. д.), по всей видимости, образуют особую сферу психического, являющуюся базовой по отношению к другим сферам. Если это не так, то надо подумать о следующем: какие другие психические механизмы могут обеспечить фундаментальные основы определения значений, выбора и принятия решений в ситуации, когда в связи с появлением сознания: 1) генетическая предопределенность и заданность перестают играть решающую роль; 2) окружающий мир резко расширяет свои границы и «становится» еще более неоднозначным и неопределенным; 3) а рациональное мышление не может функционировать, не имея никаких исходных «точек опоры», т. е. априорно и субъективно принимаемых приоритетов?

Примечания

¹ Маслоу А.Г. Дальние пределы человеческой психики. СПб., 1999. С. 122.

² Микешина Л.А. Эпистемология ценностей. М., 2007. С. 79.

³ Thomas W., Znaniecki F. Chłop polski w Europie i Ameryce: w 2 t. Warszawa, 1976. T. 1. S. 54.

⁴ Найт Ф.Х. Риск, неопределенность и прибыль. М., 2003. С. 93.

⁵ Кейнс Дж.М. Общая теория занятости, процента и денег. М., 2002. С. 43.

⁶ Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. М., 1998. С. 23.

⁷ Гартман Н. Эстетика. М., 1958. С. 477.

⁸ Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1989. С. 730.

⁹ Рымашевская Э.Л. Немецко-русский и русско-немецкий словарь. 2-е изд., стереотип. М., 1992. С. 445.

¹⁰ Англо-русский словарь / под ред. В.К. Миллера. М., 1964. С. 1092.

¹¹ По всей видимости, не во всех, так как, например, в татарском языке есть отдельные слова, соответствующие некоторым, но не всем смыслам русского слова «ценность», а само обобщающее понятие отсутствует.

¹² В других языках все обстоит несколько иначе: в частности, в английском тоже есть специфическая форма образования слов, обозначающих свойства

(ability, duty, identity, necessity, possibility, safety и т. д.). Но слово «value», как видим, не входит в их число. Оно, как и ряд других слов, обозначающих свойства (speed, dangerous, tender и др.), образовано по-другому, не в соответствии с указанным правилом.

¹³ То же самое можно сказать о «шкале полезности», так как в понятие «польза» могут вкладываться очень разные смыслы, а если понимать его в узкоэкономическом смысле, то мы должны будем измерять лишь некоторые свойства объектов.

¹⁴ *Петровский В.А.* Личность в психологии: парадигма субъектности. Ростов н/Д, 1996. С. 30–43.

¹⁵ Не мешает в связи с этим напомнить, что «количество устраняемой неопределенности» — одно из основных определений информации.

¹⁶ *Шелер М.* Избранные произведения. М., 1994. С. 170.

¹⁷ *Алишев Б.С.* Взаимодействие и преодоление неопределенности в системе «субъект — объект» // Вестн. Новосибирского гос. ун-та. Сер.: Психология. 2008. Т. 2, вып. 1. С. 5–10; *Он же.* Интерпретация человеком реальности и ее ценностные основания // Психология в Казанском университете / под ред. Л.М. Попова. Казань, 2004. С. 83–96; *Он же.* Некоторые проблемы системного взаимодействия личности с Миром: психологический аспект // Системные исследования в общей и прикладной психологии / ред. В.А. Барабанщиков, М.Г. Рогов. Набережные Челны, 2000. С. 34–53.

¹⁸ *Выготский Л.С.* Мышление и речь // *Выготский Л.С.* Психология развития человека. М., 2003. С. 674.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. С. 545.

²¹ *Сартр Ж.-П.* Очерк теории эмоций // Психология эмоций. Тексты / под ред. В.К. Вилюнаса, Ю.Б. Гиппенрейтер. М., 1984. С. 127.

²² Функция не является принадлежностью объекта: именно поэтому слово «обладать» взято в кавычки. Люди судят об объектах на языке, предназначенном обслуживать взаимодействие субъекта с ними. В языке человек — центр мироздания, а к объектам прилагаются человеческие, т. е. антропоцентрические понятия и определения. Так появляются многочисленные антропоморфические выражения типа «объект имеет ценность», «объект обладает функцией» и т. д. К сожалению, на их метафоричность часто не обращают специального внимания, полагая, что она и так понятна, но затем забывают о ней, и начинают рассуждать так, как будто никакой метафоры нет.

²³ Структурное подобие не исключает разной функциональности: на один и тот же сюжет о докторе Фаусте и Мефистофеле были написаны произведения К. Марло, Г.Э. Лессингом, И. Гете, А. Шамиссо, А.С. Пушкиным, Ч. Мэтьюрином, И.С. Тургеневым, Т. Манном и др., но этико-философские трактовки знаменитой коллизии не всеми из них предложены одинаковые.

²⁴ Еще в середине XIX в. данную проблему проанализировал М.Штирнер, обратив внимание и на ее психологические аспекты, а спустя почти 100 лет Э.Фромм поднял вопрос о фундаментальном противоречии между «иметь» и «быть», хотя и рассмотрел его скорее патетически, чем строго научно.

¹⁸ *Лоренц К.* Обратная сторона зеркала. М., 1998. С. 290.